

Онтологические нарративы духовно-телесной целостности человека в рамках современного общества и проблема гуманитарной экспертизы

В.О. Шелекета, Ю.Ю. Легочкин, А.О. Сабаяева

Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова, Белгород, Россия

Поступила в редакцию: 02.05.23

В окончательном варианте: 16.05.23

■ Для цитирования: Легочкин Ю.Ю., Сабаяева А.О. Онтологические нарративы духовно-телесной целостности человека в рамках современного общества и проблема гуманитарной экспертизы // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 3. С. 75–84. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.3.7>

Аннотация. Статья посвящена проблеме объективно-онтологических оснований культурных нарративов, нравственности, этических оценок. Авторы, привлекая теорию нарративов культуры и принципы теории систем, обосновывают позицию, согласно которой любые этические оценки, в том числе оценка технологических проектов, должны иметь свое основание в виде данных принципов целостности, самосогласованности и др., в соответствии с которыми (и по шаблонам и нарративам которых) развивается человеческая цивилизация. Приобщение к этим надкультурным, универсальным принципам, одним из которых является принцип единства бытия, в соответствии с чем и развивается бытие человека и культуры, гарантирует достижение целостности и самого человека.

Ключевые слова: нарративы; духовно-телесное; целостность бытия человека; культура.

Ontological narrativats of the spiritual and body integrity of a human in the framework of modern society and the problem of humanitarian expertise

V.O. Sheleketa, Yu.Yu. Legochkin, A.O. Sabaeva

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia

Original article submitted: 02.05.23

Revision submitted: 16.05.23

■ For citation: Legochkin Yu.Yu., Sabaeva A.O. Ontological narrativats of the spiritual and body integrity of a human in the framework of modern society and the problem of humanitarian expertise. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(3):75–84. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.3.7>

Abstract. The article is devoted to the problem of objective-ontological foundations of cultural narratives, morality, and ethical assessments. The authors, drawing on the theory of cultural narratives and the principles of systems theory, substantiate the position that any ethical assessment, including the assessment of technological projects, should have its basis in the form of these principles of integrity, self-consistency, etc., according to which (and

according to patterns and narratives of which) human civilization develops. Adherence to these supracultural, universal principles, one of which is the principle of the unity of being, in accordance with which the being of a person and culture develops, guarantees the achievement of integrity and the person himself.

Keywords: narratives; spiritual and physical; integrity of human being; culture.

В культурно-духовном пространстве цивилизации существуют некие макродопущения, которые имеют нарративный, универсальный и архетипический характер (типа «все кончается», «есть некое абсолютное существо», «существует душа» и т. п. и др.).

Это одновременно и высказывания, — но высказывания, очевидно, в духе аналитической философии, — и идеальные образования. В связи с употреблением словосочетания «идеальные образования», у философски образованного читателя сразу же возникают аллюзии с платоновскими «эйдосами». Мы не можем здесь категорически отрицать подобную связь, ведь, действительно, эти образования имеют, во-первых, надвременной, во-вторых, унифицированный в своей форме, деиндивидуализированный, то есть всеобщий характер. Эта общность порождает особую онтологичность, проявляющуюся в понимании субъективного бытия человека, так сказать, «под сенью» объективности универсальных конструктов. Эти образования имеют общекультурные характеристики, одновременно они чрезвычайно архаичны, отстоят от нас во временном отношении чрезвычайно далеко, теряясь во мраке времени, но одновременно очень близки нашему сознанию. Здесь мы можем употреблять понятие из философии постмодернизма — «нарратив». Нарративность, как известно, лично дискурсивна. Человек создает себе своей личной историей свой собственный нарратив как историю психологических остатков опыта, а также — в деструктивном плане — комплексов и травм. При этом эта нарративность циркулирует во внутреннем плане личности, составляя не симптоматику, как у Фрейда, и не базисные регулятивы поведения и деятельности, как у Юнга. А скорее — поведенческую модель встраивания человека в реальность. В отличие от дискурсов, являющихся ментально-доречевой моделью встраивания в социокультурную реальность, личные нарративы определяют базовые модели восприятия и поведения.

Различные нарративные практики имеют, таким образом, свои онтологические корни уже в самой структурированности бытия. Системность задается онтичностью, онтические глубины (а онтичность сама по себе есть «неизбывная глубина») как онтологическое основание самой системности и соразмерности. Регулятивность пронизывает само бытие человека в мире вещей, и телесность связана в культурном аспекте со множеством явлений, дистанций, соразмерностей. Так, существование людей вместе определяется телесностью, например, грязь есть мера неупорядоченности мира, потенциально негативная «плотскость». В этом смысле телесность есть вообще некая перспектива, на которую проецируется мир. Барт рассматривает различные явления повседневности, организующие «жизнь вместе», типа «пищи», «грязи», «дистанции» и др. Также он рассматривает правило (*regle*, *Regula*) в связи с явлениями: обычай, закон. Их связь проступает в том, что «правило-обычай постепенно переходит

в правило-закон (часть репрессивной системы) через понятие договора» [1, с. 219]. Барт анализирует механизм появления правил и законов как выражения регулятивов через монашеские практики жизни и формирование уставов: так, преемник Пахомия, Шенуди составляет перечень нарушений: уход из монастыря вопреки уставу, отлучка в ночное время для разговоров с изгнанными монахами и пр., при этом обет — двусторонний договор между монашеской общиной и приносящим обет [1, с. 219]. Но в основе всех регулятивов лежит идея управления: «временем, желаниями, пространством, вещами» [1, с. 219]. И телесностью — добавили бы мы.

Барт ищет и, в принципе, находит принципы структурирования отношений в монастырских уставных регулятивах. Да, такой подход позволяет выявить причины властности не на историко-культурных основаниях уже свершившихся структурирований, но как бы самоорганизующихся под влиянием существующих в пространстве различного рода сил, проходящих трансформации и тем самым организующих социально-политическое и социально-экономическое бытие через ткань материи социума, — как это делает М. Фуко. Но выявляет внутреннюю «семантику» социальных институтов на основе анализа языковых практик. Так, говоря об идеоритмии — его термин, означающий вырванность из контекста временной непрерывности в пространство свободы, — он свидетельствует о напряжении между властью и маргинальностью. Так, приводя для примера так называемых бегинов — термин, обозначавший кельнских альбигойцев, он выделяет признаки: строжайшее целомудрие, отвращение к клятвам, публичное покаяние запрет спать без сорочки [1, с. 100]. Отсюда и женская форма бегинов: воздержанные непорочные женщины. Позже этот источник забывается и происходит нормализация понятия, что приводит к объединению богомолков и оформляется власть церкви, над этими формами осуществляющаяся следующими путями: 1) через подчинение настоятельнице; 2) через служащего священника — сначала над ними ставили цистерцианского священника, потом доминиканского или францисканского; 3) через стремление самих бегинок, чтобы быть вне подозрений — принять обет терциариев или же устав св. Августина для полусветских служителей.

Нарративность, как известно, лично дискурсивна. В отличие от дискурсов, являющихся ментально-доречевой моделью встраивания в социокультурную реальность, личные нарративы предопределяют базовые модели восприятия и поведения. Нарратив будущего видится как тотальное регулирование не только смыслов, но и чувств и эмоций. Цель — создание полностью регулируемого сознания людей, при этом регулирование обеспечивается информационными системами контроля и одновременно — наказания.

Эта позиция, конечно же, совершенно противоположна популярному сегодня видению информационной культуры, которая, напротив, в отличие от позиции Ж. Бодрийера, ввиду своей чрезмерной упорядоченности и системности, имеет тенденцию к появлению жесткости, ригидности и склонна включать человека и все процессы в чрезвычайно узкий контекст предельно четко канализированных процессов. Это также можно определять как «нарративы» и «дискурс». Однако более адекватным, по нашему мнению, было бы утверждение о некоей избыточности, дарующей пусть размытую и, как говорил Ж. Бодрийер, «импловивную», но надежду на свободу «отправлений человеческого творчества», духовности.

Таким образом, мы можем констатировать наличие некоторых достаточно не расчлененных в своем составе и до конца не рефлекслируемых дискурсивных образований, уточняющих и само существование и принципы функционирования нарративов как неких схем для деятельности индивидуального и общественного сознания. Именно они формируют все многообразие культурных феноменов, а в контексте современного информационного общества, составляя смысловую и лингвистическую основу коммуникативных связей, определяют содержание всех культурных дискурсов.

Одной из таких очевидностей является утверждение или идея о наличии душевно-телесной оппозиции в бытии человека.

Анализируя телесный вектор этой оппозиции, мы можем прийти к выводу, что понимание телесности сегодня имеет крайне технологичный характер. «При клонировании — пишет Бодрийяр — нечто подобное происходит уже не только на уровне месседжей, но и на уровне индивидуумов. В сущности, именно это и происходит с телом, когда оно мыслится лишь как некий месседж, как носитель информации и сообщений, как информационная субстанция» [2, с. 184]. Тогда ничто не мешает его серийному воспроизводству. Происходит воспроизводство типичного и отсутствие производства, доминирование модели над живыми телами. Это обусловлено технологичностью, той, как развитие гигантского протеза индустриального общества, основанного на производстве идентичных объектов, что, кстати, делает невозможным понимание оригинала, поскольку исходная целостность, основанная на глубинной взаимосвязи элементов, разрушена [2, с. 184].

Далее он говорит о, так сказать, симулятивных редупликациях типичных «сознаний»: «Протезы индустриальной эры все еще внешние, экзотехнические, те же которые нам известны сегодня, превратились во внутренние разветвленные протезы в протезы эзотехнические. Мы живем в эпоху софтверных технологий, в век генетического и ментального программного обеспечения (software)» [2, с. 184]. Как подразумевается из использования частиц «экзо» и «эзо», речь идет об открытом, внешнем и скрытом, внутреннем планах существования этой тенденции.

Индустриальное общество редуплицирует одинаковость сознания и стандарты телесности. Феномен клонирования демонстрирует по Бодрийяру редупликацию одного и того же набора генов во всех индивидуумах, что есть торжество идентичности. Это, в свою очередь, напоминает рак, как бесконтрольное распространение одинаковых клеток, и это есть основная болезнь индустриально-апиталистического общества.

Здесь открываются перспективы возможности манипулирования всей духовно-телесной целостностью, но, в первую очередь, тело, «лишенное своей сути и своего смысла», может быть бесконечно трансформируемо «вследствие преобразования генетической формулы или биохимической зависимости» [2, с. 187–188], виртуализации телесности, когда она вновь, как в эпоху вульгарного материализма, становится машиной (тем самым «поставом» не имеющим глубинных онтологических свойств) и материалом для трансформаций, с целью достижения максимальной «эффективности», в буквальном смысле соединяясь с продуктами машинной цивилизации с помощью нейроинтерфейсов с компьютерами, искусственным интеллектом и т. п.

Продолжение медикализации телесности и социума мы наблюдали в период пандемии, которая еще рельефнее обнаружила тот факт, что вся духовно-телесная целостность человека уже полностью сегодня включена в дискурс медицины. Возникновение, становление и развитие этого процесса медикализации телесности как формы манипулирования в свое время обнаружил и зафиксировал в понятии «власти биополитики» М. Фуко [6].

Дисциплинарный контроль тела и психики, по Фуко, «насаждает наилучшее соотношение между жестом и общим положением тела, которое является условием его эффективности и быстроты» [6, с. 185]. То есть речь идет о тотализации отношений между телом и властью, принуждающей его к определенному позиционированию в пространстве, задающей даже его физиологические реакции. Власть, таким образом, распространяется и на его физиологию. Естественно, это необходимо для целей обеспечения функциональности индивида в социальном пространстве и производственном процессе: «При надлежащем использовании тела обеспечивающем надлежащее использование времени ничто не должно оставаться бездействующим или бесполезным. Должны быть привлечены все средства для поддержки требуемого действия. Хорошо дисциплинированное тело образует операционный контекст для малейшего жеста» [6, с. 186]. Все эти регулятивы опутывают все тело и все тела. Так, тело должно не сутулиться, локти должны иметь определенное расположение, между телом и столом должно быть определенное расстояние, нога должна иметь определенное положение и т. д. и т. п. Это касается практики обучения. Здесь «дисциплинированное тело, как формулирует Фуко, — подставка для эффективного жеста» [6, с. 186].

В военной сфере также «Дисциплина определяет, какие отношения тело должно поддерживать с объектом, которым оно манипулирует. При этом «на всю поверхность соприкосновения тела с объектом, подвергаемым манипуляции, проникает власть, скрепляющая их друг с другом. Оно образует комплексы тело — оружие тело — инструмент тело — машина» [6, с. 187]. Отсюда предельная «машинизированность» тела, которое теперь рассматривается не иначе как в контексте производства или, как говорит Фуко, «принудительной связи с производственной машиной» там же). Вот исток превращения тела в объект властной репрессивности, и здесь предельно обозначивается связь власти с капиталистическим производством, в описываемую Фуко эпоху возникновения дисциплинарной власти.

Но, вслед за этой регулятивностью меняется одновременно образ, архитектоника, плотность и другие экзистенциально-чувственные параметры телесности. Как пишет Фуко по этому поводу, «это «скорее тело упражнения, чем умозрительной физики. Скорее тело которым манипулирует власть, нежели тело, наделенное животным сознанием. Тело полезной муштры, а не рациональной механики...» [6, с. 189]. Вот апогей, предельная точка распределения пространства и времени и жизни в нем тела, которое приобретает черты длительности, распределенности.

В этом смысле за некий праобраз информационного общества мы можем взять описание «Паноптикума Бентама», который приводит Фуко в анализе дисциплинарного общества как полного просматривания камеры. Причем — и это немаловажно в нашем контексте рассмотрения информационной природы власти — функцию наблюдателя может выполнять любой человек.

В контексте проблемы массового и индивидуального протеста можно утверждать, что подобное устройство общества обеспечивает защиту власти от любых форм протеста — индивидуального и массового. Так Фуко по этому поводу пишет о том, что «такое устройство общества делало возможным — в качестве отрицательного результата — избежать образование тех скученных кишачих и ревущих масс, которые населяли места заключения; их изображал Гойя и описывал Говард...» [6, с. 244]. Толпа — плотная масса, место множественных обменов схождениями индивидуальностей и коллективных проявлений — устраняется и заменяется собранием отделенных индивидуальностей. С точки зрения охранника толпа заменяется исчислимым и контролируемым множеством, с точки зрения заключенных — изоляцией и поднадзором одиночеством, там же). То есть, с одной стороны, в результате этого процесса мы получаем понятие индивида. С другой — поднадзору единицу. Задача власти заключается здесь в том, чтобы обеспечить автоматическое функционирование власти, а также сделать ее тотальной. А достижению этой цели может способствовать именно информационное общество, обеспеченное в этом смысле всеми техническими средствами. В этом смысле основной целью подобной системы паноптикума является приведение заключенного, а в нашем случае — человека вообще в состояние сознаваемой и постоянной видимости, которая обеспечивает автоматическое функционирование власти. Для целей слежения за поднадзорным, который во времена Фуко признавался заключенным, а сегодня, как мы знаем, это распространяется и на любого человека, находящегося в рамках информационного общества, необходимо, чтобы «совершенство власти делало необязательным ее действительное отправление и чтобы архитектурный аппарат паноптикона был машиной, создающей и поддерживающей отношение власти независимо от человека, который ее отправляет, — короче говоря, чтобы заключенные были вовлечены в ситуацию власти, носителями которой они сами же и являются» [6, с. 245].

Эта власть бестелесна, она не имеет приложения для соприкосновения и физического воздействия на индивида. В этом смысле избыточность демонстративности, массивность и соответственно неповоротливость власти уже не мучает общество. Власть, как говорит М. Фуко, — нередко избыточным образом, — защищает себя в актах наказания (имеются ввиду пытки, казни, судебная система в целом). Тело здесь выступает как некое поле действия и проявления, на котором запечатлеваются печати власти. Таким образом оно является одновременно дискурсом...

Как пишет Фуко: «Тело короля с его странным материальным и мифическим присутствием с той силой, которую он разворачивает сам или передает немногим другим лицам прямо противоположно этой новой физике власти, представленной паноптизмом» [6, с. 254]. В этом смысле дисциплинарная власть функциональна, но и страдает склонностью к систематизации и унификации. Она безусловно механистична, где каждый человек есть «винтик, который можно заменить» — ремейк и аллюзия сталинского индустриально ориентированного лозунга «у нас незаменимых нет». Тоталитаризм согласно рассматриваемой логике рождается в индустриальном обществе, исток которого — дисциплинарная власть: «...здесь требуются механизмы, которые анализируют распределения, нарушения, ряды и комбинации и используют

инструменты, которые делают видимым, записывают, различают и сравнивают: физика существующей в форме отношений и множественной власти, достигающей максимальной интенсивности не в личности короля, а в телах, индивидуализируемых посредством этих отношений», становясь более... прозрачно-бесплотной, что ли, но несмотря на эту эфирность пронизывающей все социальное и индивидуальное бытие.

Одна из наиболее обсуждаемых в этом направлении проблем — проблема трансплантации органов человека. В современном правовом поле заложена доктрина неотчуждаемых прав человека, актуализированная в историческом развитии права, морали, нравственности и философии, среди которых наибольшее количество вопросов вызывают законы, связанные с трансплантацией органов.

Также важным пунктом в данном проблемном поле может стать вопрос: где те граничные условия, задающие меру для выражения нравственно одобряемого и (или) конвенционально закрепленного в общественном сознании или научном сообществе, которые могут стать мерой для критериального обеспечения концепции этико-гуманитарной оценки либо — шире — экспертизы.

Так, онтологическим основанием для парадигмы может стать то, что материальный мир существует как относительно процессуально и феноменологически равновесный несмотря на то, что в любом объекте постоянно происходят изменения, и на макро-, и на микроуровне эти объекты сохраняют самоидентичность. Границы явлений и объектов материальной действительности сохраняются для сохранения самоидентичности этих объектов и явлений. При этом есть ограничения «внешние» и ограничения «внутренние». Данный факт вписывается, в свою очередь, в так называемую общую системность бытия, где свойства объекта охраняются границами других объектов и своими собственными условиями существования. В этом смысле гуманитарная экспертиза может касаться бытия как новая онтология, онтология жизнеобеспечения на основе этических принципов (то есть, в сущности, как биоэтика). Цифровая трансформация может коснуться и телесности человека и его сознания, что, с одной стороны, нарушает общий принцип духовно-телесной целостности, с другой — важный духовный принцип сознания и души — трезвение. Ведь реальность будущего рисуется как протекающая большей частью времени в информационном пространстве, где даже телесность сращена с компьютерными моделями и имплантирована в информационное пространство. И в этом смысле в таком мире не будет различия между виртуальным и реальным. И сейчас уже человек это совокупность его компьютерного следа — его активности в социальных сетях, результатов его информационно-поисковой активности и всех результатов деятельности, зафиксированных в цифровой форме. И опять встает вопрос о его истинном бытии.

В разработанной Б.Г. Юдиным концепции технонауки основными акторами служат «лаборатория», бизнес, медиа и общественность [8]. Это измерение предполагает метафизическую позицию, с которой только и возможно обосновать необходимость сохранения жизни и человечности человека [7, с. 10]. Гуманитарная подразумевает здесь человека, соответственно, ее главный вопрос: какова цена для благополучия и жизнеобеспечения и жизнестойкости, как объект оценки влияет на человека как человека, в его высших сущностных

измерениях, а не только как существа потребляющего, социального и экономического, о чем прекрасно говорит Ж. Бодрийяр в своем анализе человека потребляющего в обществе потребления как системы симулякров и симуляций. Получается, что фиксирование *гуманитарности* экспертизы основывается на применении в процессе экспертизы определенного класса дисциплин и теоретико-методологических подходов, которые, согласно традиционному разделению на естественно-научные, технические и гуманитарные, являются противоположностью объективированному по преимуществу предмету изучения первых двух, а направлены скорее на субъекта — человека, с учетом всех специфически человечески-субъективных свойств и измерений в пределах субъект-объектной системы гносеологически и онтологически понимаемых противоположностей.

Все вышеизложенное, несмотря на предельно общий характер рассуждения, имеет важное значение для определения и обоснования концептуальной парадигмы наиболее общей теории и методологии гуманитарной экспертизы. Так, мы исходим из предположения о возможности некоего инварианта для проведения исследований посредством применения парадигмы гуманитарной экспертизы, представления заключения и последующей конгруэнтности использования объекта экспертизы для человека (в процессе производства и потребления). Речь идет о такой системе оценок либо модели, в которой субъективно-личностные качества экспертов не играют существенной роли, а основную роль выполняет система концептуальных положений, ядром которых выступает этическая либо — в целом — ценностная теория. В таком случае эта теория играет роль парадигмы — в духе понимания этого понятия в теории научных революций Т. Куна. При этом, так сказать, орудием или «механизменной стороной» этой парадигмы, ее методологией является определенная и жестко фиксированная, возможно, алгоритмизированная система [экспертных] оценок, имеющая важную характеристику инвариантности. То, что слово экспертное взято здесь в квадратные скобки, обусловлено тем фактом, что экспертность, как исходящее от группы специалистов, в данном случае не всегда связано с наличием жесткой специализации и компетентности, а может быть, связана с феноменами общественного или индивидуального сознания, такими как мораль, нравственность и т.п.

Приступая к освещению вопроса содержания данной системы оценок, мы, в сущности, имеем дело с определенной этической теорией, базирующейся на четко определенных этических принципах, выступающих в форме норм, заповедей, нравственных принципов и т.п. Но они все обладают ограниченностью в силу исторически обусловленного характера их возникновения и применения. Значит, в основе этой парадигмы должны лежать некие закономерности, предельно очевидные в силу включенности в само бытие. С научной точки зрения такая характеристика называется «*объективностью* знания». Этой характеристикой может выступать принцип системности бытия.

Принцип самоотжественности — это принцип обеспечения [сохранения] жизни и здоровья — как сохранения целостности объекта. Вместе с тем существуют системы, которые ради своего самосохранения стремятся разрушить окружающие их системы. Пример тому — авторитарная власть, уничтожающая все вокруг ради своих целей деструктивного существования.

Этот критерий, в свою очередь, в ситуации применения гуманитарной экспертизы конкретного технологического проекта может быть основанием для такого критерия, как «гуманитарное достоинство проекта», включающего в себя такие характеристики проекта по улучшению качества жизни человека: экологическую безопасность, реализацию права человека на благоприятную окружающую среду, духовно-нравственное развитие личности и психологическое благополучие, соответствие российскому законодательству и международно-правовым нормам, а также принцип сохранения физического здоровья и жизни человека, минимальность рисков от внедрения технологий в повседневную жизнь человека, нацеленность проекта на удовлетворение моральных потребностей высокого уровня, способствующих развитию духовно-телесной целостности и охране жизни на Земле.

Таким образом, в связи с приведенным примером самосохранения деструктивных систем: имеется то, что можно обозначить как граничные условия, то есть условия, возникающие в определенных обстоятельствах и в условиях изменений обстоятельств. В приведенном случае граничные условия — это условия, в которых ценности, которые находятся в основе системы гуманитарной оценки смыслового концептуального ядра для гуманитарной экспертизы, приобретают условный характер в силу ограничений обстоятельств, времени, материального мира, пространства и т. п. При этом такие гуманитарные сферы, как юридическая, культурная и нравственная, могут восприниматься как сферы, из которых может исходить понимание и установление граничных условий.

Конечной целью реализации базовых онтологических оснований является способность к перспективному развитию без разрушения мира. На решение обозначенных проблем и должны быть направлены сегодня усилия в контексте проблем биоэтики и этических вызовов.

Основная характеристика критерия оценки гуманитарных рисков внедрения и использования технологий, подразумеваемых в технологических проектах, — сохранение духовно-телесной целостности бытия человека. Интегративность как выражение как раз-таки принципа взаимооберегания и взаимосогласованности всех элементов и уровней, глубинная взаимозависимость и взаимопроникновение и при этом системная упорядоченность — онтологическое и гносеологическое основания для выработки наиболее общих мировоззренческих установок для парадигмальных основ гуманитарной экспертизы, которая в случае ориентации на эти базовые принципы лишается неоднозначности и обусловленности (условности) этических доктрин, превращаясь в научную теорию, выстраиваемую в соответствии с базовыми принципами научности — объективности, доказываемости и даже с принципом наблюдаемости (эмпирической проверяемости).

Это, в свою очередь, поможет сохранить целостность принципов, заложенных в основание самой этики, тех моральных принципов, в соответствии с которыми (и по шаблонам и нарративам которых) развивается человеческая цивилизация. Ведь, действительно, целостность подразумевает приобщение к неким надкультурным, универсальным принципам, одним из которых является принцип единства бытия, в соответствии с чем и развивается бытие человека и культуры.

Список литературы

1. Ашмарин И.И. Надпрофессиональные смыслы гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 4. С. 202–205.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. Москва: Постум, 2017. 242 с.
3. Вукчевич Н., Шелекета В.О. Чужой: от этносоциальной герменевтики к трансгуманистическому пониманию эпохи постпандемии (антропологические и культурологические аспекты // Известия ЮЗГУ. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. № 5. С. 253–266.
4. Петров В.И., Седова Н.Н. Практическая биоэтика. Москва: Триумф, 2002. 192 с.
5. Скирбекк Г. Есть ли у экспертизы этические основы? // Человек. 1991. № 1. С. 86–93.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2018. 383 с.
7. Цыцарев А.А. Социокультурные основания гуманитарной экспертизы: дис. ... канд. филос. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2012.
8. Юдин Б.Г. Медицина и конструирование человека // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 12–20.
9. Bulletin of Medical Ethics. 2000. № 164.
10. International Conference of the Council of Europe on Ethical Issues Arising from the Application of Biotechnology. Proceedings. Oviedo, May 1999. Council of Europe Publishing, 2000.

References

1. Ashmarin II. Nadprofessional'nye smysly gumanitarnoi ekspertizy. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2006;(4):202–205. (In Russ.)
2. Bodriiyar Zh. Simulyakry i simulyatsii. Moscow: Postum; 2017. 242 p. (In Russ.)
3. Vukchevich N, Sheleketa VO. Chuzhoi: ot etnosotsial'noi germeneytiki k transgumanisticheskomu ponimaniyu epokhi postpandemii (antropologicheskie i kul'turologicheskie aspekty // *Izvestiya YuZGU. Seriya Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*. 2022;(5):253–266. (In Russ.)
4. Petrov VI, Sedova NN. Prakticheskaya bioetika. Moscow: Triumf; 2002. 192 p. (In Russ.)
5. Skirbekk G. Est' li u ekspertizy eticheskie osnovy? *Chelovek*. 1991;(1):86–93. (In Russ.)
6. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Moscow: Ad Marginem Press; 2018. 383 p. (In Russ.)
7. Tsytsarev AA. Sotsiokul'turnye osnovaniya gumanitarnoi ekspertizy: [abstract dissertation]. Komsomol'sk-na-Amure; 2012. (In Russ.)
8. Yudin BG. Meditsina i konstruirovaniye cheloveka. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2008;(1):12–20. (In Russ.)
9. Bulletin of Medical Ethics. № 164. Dec. 2000 / Jan. 2001.
10. International Conference of the Council of Europe on Ethical Issues Arising from the Application of Biotechnology. Proceedings. Oviedo, May 1999. Council of Europe Publishing; 2000.

Информация об авторах

Владислав Олегович Шелекета — ФГБОУ ВО «Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова», Белгород, Россия. **E-mail:** vladshelo@mail.ru

Юрий Юрьевич Легочкин — аспирант кафедры теории и методологии науки, ФГБОУ ВО «Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова», Белгород, Россия.

Анна Олеговна Сабеева — аспирантка кафедры теории и методологии науки, ФГБОУ ВО «Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова», Белгород, Россия.

Information about the authors

Vladislav O. Sheleketa — Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia., Belgorod, Russia. **E-mail:** vladshelo@mail.ru

Yuri Yu. Legochkin — postgraduate student of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia.

Anna O. Sabaeva — postgraduate student of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia.